

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
Д46

IZARA 1: Das ewige Feuer
© 2018 by Planet! in Thienemann-Esslinger Verlag GmbH,
Stuttgart
By Julia Dippel (author)
Cover design by Carolin Liepins

Диппель, Юлия.
Д46 Бессмертное пламя / Юлия Диппель; [перевод с немецкого И. А. Офицеровой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Young Adult. Изара).

ISBN 978-5-04-105515-8

Одни называют их просто бессмертными, другие — демонами, третьи — духами или дэвами. Сами же они предпочитают название «праймус», что значит «первый» на латыни.

Когда на Ариану нападает таинственный незнакомец, чьей воле неожиданно начинают повиноваться все вокруг, жизнь девушки навсегда меняется. Ариана узнает, что лицеем, в котором она учится, руководит тайная организация «Плеяда». Она контролирует праймусов и защищает от них человечество на протяжении многих веков. Но похоже, что и у самой Арианы есть особая сила. И чтобы спастись от того, кто открыл на нее охоту, девушке придется воспользоваться помощью самого демона...

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-105515-8

© Офицера И. А. перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

Сцена, что для нас — весь мир

Шумная толпа школьников создавала почти невыносимый контраст с последними солнечными лучами, которыми баловала осень. Четыре года я пыталась привыкнуть к этому звуку. Безрезультатно. Я только научилась лучше его игнорировать. Так же как игнорировала все, что нарушало мое душевное спокойствие. Да уж, шторы на глаза могли бы стать незаменимым аксессуаром в лице Торкассо.

Я сорвала несколько травинок на лужайке. Они не виноваты, что моя жизнь напоминала невзрачное подобие паршивой мыльной оперы. Бедняжкам просто не повезло вырасти там, куда я забралась, когда меня снова накрыло уныние. Новый учебный год начался всего два дня назад, а я уже в пятый раз пряталась под огромным каштаном за школьной столовой. К сожалению, для меня это еще даже не рекорд.

Мой девиз: продержаться. Продержаться, получить хорошие оценки и стипендию в колледж, чтобы сбежать отсюда. Желательно в такое место, которому не грозит взорваться от банальности.

Две холодные ладони оторвали меня от мыслей о побеге.

— Ну, готова немножко «быть или не быть»?

Моя лучшая подруга Фелицитас — Лиззи — питала слабость к громким появлениям. Когда она внезапно

плюхнулась рядом со мной на траву, я слегка приоткрыла свои воображаемые шторы. У Лиззи было слишком хорошее настроение. Слишком даже для такой хорошей погоды.

— Ты в курсе, что должна мне за это как минимум пожизненную техпомощь? — проворчала я.

Она только пожала плечами и громко допила через соломинку остатки смузи из банана и киви.

— Лучшая комплексная техпомощь и эвакуация «Фелицитас» — к твоим услугам, — щедро предложила она. — Хотя я все равно тебя не понимаю! Если уж ездить на такой развалюхе, то только ради того, чтобы тебя эвакуировали горячие мускулистые парни в обтягивающих майках, испачканных машинным маслом.

Я вздохнула. Лиззи безнадежно зациклилась на тестостероне. И это еще самый мягкий комментарий, который приходит мне в голову по поводу новой жизненной цели моей подруги. За последний год она превратилась из гусеницы в брекетах в яркую бабочку. Рыжую кудрявую бабочку, помешанную на моде. Русский был просто «недостаточно гламурным» для ее выпускного класса, и она старательно не обращала внимания, что этим оскорбляет мои собственные волосы.

Вопреки моим ожиданиям и здравому смыслу, новый кричащий цвет срабатывал, как маяк. С прошлого лета поклонники выстраивались в очередь, чтобы пасть ниц перед ее длинными ногами. Тем же летом и не на совсем трезвую голову Лиззи поклялась, что каждый сантиметр этих ног будет принадлежать «богу удовольствия». Вообще-то, бога звали Джереми, и он был звездой школьного театра.

— А ты уверена, что он стоит того, чтобы учить длинные скучные тексты и проводить вечера вторников в

сыром подвале? — поинтересовалась я. — Джереми ведь тебя даже не заметит.

— А если заметит! Это, дорогая моя, — промурлыкала Лиззи, изогнувшись в идеальной модельной позе и погладив длинные ноги, которые не скрывала мини-юбка, — невозможно не заметить.

Я честно пыталась не разразиться хохотом, но в итоге все равно получила болезненный тычок от подруги.

— Пойдем уже. В этой снобистской школе, которая зовется лицеем, кроме тебя адекватных людей нет. Ты нужна мне там!

— Слышал бы это Джереми!

— Это не считается, он потрясный. И, кроме того, у него невероятно сексуальный голос. И он играет на пианино. И ты моя лучшая подруга, поэтому обязана быть рядом! — она надула губы.

Ее рыжие кудри упрямо подпрыгивали.

— Пожалуйста-пожалуйста-пожаааалуиста! Я больше не буду обзывать твое ржавое корыто и буду всегда тебя встречать и подвозить. Да без тебя я там и двух минут не проживу!

И завершающий удар — Лиззи состроила щенячьи глазки и похлопала ресницами. Именно так она уговорила своего папу на два заграничных путешествия и красный «Мини Купер». Я тяжело вздохнула и сдалась. И в ту же секунду, как я выдохнула: «Ладно», она сжала меня в объятиях.

— А сейчас, — Лиззи встала и театрально взмахнула рукой в воздухе, — не медлить ни секунды. Сцена, что для нас — весь мир¹, ожидает поцелуя двух влюбленных,

¹ Цитирует Ф. Шиллера «An die Freunde» (здесь и далее — *прим. перевод.*).

который изменит всё. Джереми! — воскликнула она, схватилась за сердце и с тоской посмотрела на Корпус Культуры, где располагался школьный театр. — Я иду.

И Лиззи упрямо и на полчаса раньше направилась в студию. Покачав головой, я подняла бутылочку от смузи и пошла за подругой вверх по склону к школе.

Если верить тяжелым буквам из кованого железа над воротами, лицей Торкассо был интернатом. На самом деле в здании бывшего монастыря проживала всего лишь половина учеников. За остальными каждый день после занятий приезжали няни или дворецкие и развозили по шикарным особнякам их родителей, которых чаще всего не было дома. Те, у кого уже были права, конечно же, ездили сами. Это было вопросом престижа, ведь стандартным подарком на восемнадцатилетие была тачка класса «люкс». Чем дороже машина, тем выше репутация. Завершали этот рейтинг я и моя маленькая «Тойота», к которой я как раз и шла, чтобы закинуть вещи в багажник. Эта жалкая куча металла казалась недоразумением в сверкающей армаде лимузинов и спорткаров. Она просто не вписывалась. Собственно, как и я.

Причина, по которой я, несмотря ни на что, посещала это учреждение, довольно проста: постановление суда. Обстоятельство, которым я обязана отцу. Я мало что о нем знала, кроме того что он был очень богатым и чокнутым. Последний раз я его видела, когда мне было двенадцать. Он покидал зал суда в окружении своих адвокатов. Три года и одну кровопролитную войну спустя приговор был вынесен — естественно, в его пользу.

Мама получала до смешного маленькие отступные, но при условии, что я окончу лицей Торкассо. Больше он ничего нам не заплатил.

Я так и не поняла, почему для отца был так важен этот лицей, но ежемесячная плата за обучение в нем была в три раза больше, чем мы с мамой тратили за тот же месяц. Может быть, он просто хотел, чтобы мы отделились друг от друга. Его дочь далеко, в интернате, где каждый день долог и светел, а речь идет только о деньгах и статусе. Прекрасный сияющий мир. И единственное, чего мне не могла дать мама. В его фантазиях я наверняка уже должна была приползти к нему на четвереньках и умолять.

Но план не сработал. На отступные мама купила небольшой домик недалеко от лицея, чтобы мы могли жить вместе. А искушение богатством... Ничто в мире не заставит меня стать такой, как мой отец.

Я как раз собиралась выехать на другую сторону парковки, когда дорогу мне преградил новенький черный «Мустанг».

«Точно, новый учебный год! Сейчас начнется парад “Мой-папочка-купил-мне-новую-машину”», — подумала я, вздохнула и остановилась, чтобы ни в кого не врезаться. «Мустанг» медленно ехал мимо меня. Медленнее, чем должен был бы. Само собой, стекло было затонировано. «Ну а как же!» Как только от меня отделилось водительское окно, машина разогналась и поехала к одному из дальних, затененных парковочных мест, которые предназначались для верхушки нашей элиты.

Я покачала головой и поехала дальше. Самое позднее завтра утром я узнаю, кому из моих очаровательных одноклассников подарили новую игрушку.

— Эй, Ариана, штука, которую ты называешь машиной, опять не заводится? — раздался женский голос.

Мне не пришлось оглядываться, чтобы понять, что Дорис и Дениз стоят где-то позади меня и хихикают.

— Кто бы мог подумать, что после Брендона ты упустишь еще одного красавчика, но — спасибо. Нам больше достанется.

Понятия не имею, о чем они. Да и не важно. Я никогда не обращала на них внимания. Впервые они заметили меня, когда я начала встречаться с Бренденом. А когда закончились эти отношения, которые я считала самой большой ошибкой в моей жизни, они внесли меня в свой черный список. В средней школе мы прозвали их Побрякушками ДД. Кстати говоря, сейчас прозвище держится не только на инициалах. Спасибо папочкам и силикону... Мне определенно не понять.

Лиззи уже ждала меня у старых деревянных ворот перед Корпусом Культуры. Она нетерпеливо замахала руками.

— Давай, давай, мы опоздаем. Джереми уже там, — прошипела она и потащила меня к зданию бывшей водопроводной станции, где теперь занимались классы искусств. Я спросила, настигла ли ее уже любовь с первого взгляда, но она проигнорировала вопрос и повела меня вниз по крутой винтовой лестнице в театральную студию.

— Веди себя прилично, не задавай глупых вопросов и не опозорься, — вот и весь ее инструктаж. Лиззи отбросила ярко-рыжие волосы назад и глубоко вздохнула. Она вошла в студию, двигаясь с королевским изяществом. Ну, так было задумано. К сожалению, получилось наоборот.

«Цапля с рыжими кудряшками, а не опозориться должна я?» — промелькнула у меня одинокая мысль, но

я ее отбросила. В конце концов, она моя лучшая — нет, единственная — подруга.

Джереми сидел на краю сцены. На его лице появилась легкая улыбка, когда он заметил Лиззи. А я ясно услышала, как ее сердце забилося быстрее. Она села в первом ряду прямо напротив него и приподняла свою длинную ногу, чтобы закинуть ее на другую.

«Господи, пожалуйста, только бы она не была без нижнего белья», — взмолилась я. И тут же получила ответ на свой немой вопрос, потому что Лиззи соскользнула с края стула и рухнула на пол, так что не только Джереми, но и все остальные смогли увидеть красные кружевные трусики у нее под юбкой. Такой же оттенок красного сейчас приобретало ее лицо. Я хотела поспешить ей на помощь, но Джереми оказался быстрее. С безупречным поклоном он протянул ей руку.

— Если бы это не выглядело так неловко, можно было подумать, что она сделала это специально, — произнес хриплый голос мне на ухо.

Пока я удивлялась, почему не испугалась до смерти, говорящий отстранился с тихим смешком, задев при этом мои волосы, завязанные в хвост. По спине пробежали мурашки. Прежде чем я успела обернуться, чтобы посмотреть, кто этот остряк, передо мной выросла широкая спина и прошла мимо. Эту спину я точно еще ни разу не видела. Она была одета в темно-синюю рубашку, рукава высоко закатаны и обтягивали загорелые мускулистые руки. «Блин, я еще хуже, чем Лиззи!»

Стараясь не заикливаться на частях тела этого парня и вообще его не разглядывать, я быстро побежала к Лиззи, которая встретила меня сверкающей улыбкой.

— Ариана, познакомься, это Джереми. Ты не поверишь, но в прошлом году он играл главную роль в постановке «Мулен Руж». Как жаль, что мы не смогли посмотреть, — без зазрения совести врала она, — потому что нужно было ухаживать за твоей мамой. Но, можешь себе представить, если выдастся минутка, Джереми только для нас еще раз споет «Come What May»¹. Так сказать, приватное выступление.

Я выдавила изумленную улыбку, потому что взгляд Лиззи говорил: «Поговорим об этом позже». Слава богу, что в этот момент от дальнейшего вранья меня спас мистер Шторм, начав занятие.

«Тысячу раз спасибо!» — произнесла Лиззи одними губами за спиной Джереми. А потом: «Ну разве он не лапочка!»

Я только глаза закатила и повернулась к мистеру Шторму, который говорил что-то вроде: «Весь мир — театр» и «Скорее всего, здесь вы узнаете гораздо больше, чем во всем лицее». После пятнадцатиминутной речи о важности изучения искусствоведения для дальнейшего существования человечества я была готова придушить Лиззи за то, что она притащила меня сюда. Это желание превратилось в насущную потребность, когда седовласый хиппи чересчур воодушевленно воскликнул: «В театральном мире все на ты, дорогие мои!» — и велел называть его Корнелиусом, и достигло своего апогея, когда он потребовал, чтобы мы сели на сцену и с закрытыми глазами «ощутили» присутствие остальных. Только умоляющий взгляд Лиззи удержал меня от того,

¹ «Come What May» — песня из фильма «Мулен Руж», исп. Николь Кидман и Юэн Макгрегор.

чтобы в ту же секунду не сбежать из зала и не улечься где-нибудь на солнышке со стаканом ледяного кофе. Поэтому я закрыла глаза. И сколько бы я их ни открывала, Лиззи все равно была важнее, чем необходимость два часа просидеть в подвале с парочкой фриков. Мы с ней познакомились в суде. Она была дочерью нашего адвоката и посчитала, что мы могли бы подружиться, потому что, очевидно, скоро пойдем в одну школу. Она даже уговорила свою маму два года делать по утрам крюк, чтобы мне не пришлось ездить в школу на автобусе. Именно она всегда защищала меня перед другими учениками, говоря: «Отвали и займись своими делами!» Она же прошлым летом каждый день подвозила меня к маме в клинику неврозов и помогла найти подработку официанткой, чтобы на восемнадцатый день рождения я наконец смогла купить себе машину.

Внезапно я снова почувствовала это странное покалывание на шее. Сколько я уже здесь сижу? Десять минут? Двадцать? Я не знала, но чувствовала, что кто-то за мной наблюдает. Я осторожно открыла глаза. «Если на меня пялится чужак Корнелиус, то этот «доктор искусствоведения» сегодня видит меня первый и последний раз», — пообещала я себе и незаметно огляделась. Корнелиус сидел с закрытыми глазами в другом конце зала. По его блаженной улыбке я поняла, что он и правда представляет себе присутствие своих учеников. «Пфф...»

Лиззи сидела рядом со мной, скрестив ноги. Ее грудь поднималась и опускалась чаще, чем можно ожидать при подобной медитации. Правда, тыльная сторона ее ладони касалась коленки Джереми, следовательно, ничего удивительного. Мой взгляд переместился дальше и остановился на паре темно-зеленых глаз, которые смо-

трели прямо на меня. Владелец этих глаз был мне незнаком. «Почти незнаком», — вспомнила я. Это был тот тип в синей рубашке, который так метко прокомментировал падение Лиззи. Намек на улыбку коснулся уголка его губ, но он не отвернулся и не закрыл глаза. Он просто смотрел на меня. Через какое-то время мне наскучила эта детская игра в гляделки. Я фыркнула и приподняла бровь, как бы говоря: «Да кому это надо», и вернулась к «ощущению присутствия» одноклассников.

Но кого я обманываю? Естественно, я ощущала присутствие только одного человека. Я все еще чувствовала на себе его взгляд. За искорками в зеленых глазах скрывались озорство и еще что-то таинственное. Выразительные брови были сдвинуты, поэтому выражение его лица нельзя было назвать расслабленным. И еще эта полуулыбка, от которой у меня зашевелились волоски на шее. Откуда взялся этот парень? Судя по щетине на подбородке, он должен учиться со мной в выпускном классе. Нет, даже уже окончить школу. Это тот самый тип людей, по которым невозможно угадать возраст. Может быть, ему восемнадцать, а может — и больше двадцати. Видимо, он один из сынков миллионеров, которые безуспешно пытались окончить кучу школ, а в результате загремели в этот лицей. Или посещает дополнительные курсы для выпускников, которые хотят подготовиться к поступлению в университет. Хотя выпускники, как правило, не участвуют в обычной школьной жизни...

В конце концов Корнелиус выдернул меня из далекого зашедших размышлений о новеньком. Он захлопал в ладоши и несколько раз прокричал по-итальянски: «Bravi!», а потом озвучил следующее задание. Я даже знать не хотела, продолжает ли новенький на меня смо-

треть. Поэтому постаралась не поворачиваться в его сторону. Я потянулась и помассировала затекшую ногу, когда внезапно перед моим лицом возникла рука. На указательном пальце — широкое кольцо из серебра и черной кожи. Кольцо сочеталось с кожаным браслетом вокруг крепкого запястья. Запястье переходило в накачанное предплечье, которое, в свою очередь...

«Ари, ты снова это делаешь!» — напомнила я себе и подняла взгляд выше, хоть и знала, что там меня ждут зеленые глаза. Чтобы не показаться невежливой, я взялась за его руку и встала. Тихо пробормотала: «Спасибо», но он меня не отпустил. Его взгляд скользнул к моей руке и обратно к лицу. Глаза сузились, он смотрел изучающе, как будто что-то искал. Я раздраженно нахмурилась.

— Я могу убрать руку? — спросила я и прокляла свой голос, которой прозвучал умоляюще, вместо того чтобы источать сарказм.

Новенький несколько раз моргнул, словно все еще был где-то в своих мыслях.

— Конечно, — ответил он. — Она наверняка тебе еще понадобится.

Моя рука дрожала, когда он ее отпустил. Я поборолла желание встряхнуть ею и вместо этого сунула в карман.

«Что за странный парень».

Слегка рассеянным жестом он провел рукой по темным волосам. Бессмысленная затея, потому что они тут же снова упали ему на лицо. Как если бы создатель этого произведения искусства мужского пола решил, что было бы неплохо заключить его точеные черты в живую рамку. Кому-нибудь другому я бы посоветовала хорошего парикмахера, но при виде подобного совершенства